

16+

Столярова Ю. А.

Я хочу от тебя дочку!

Юлия Александровна Столярова

Я хочу от тебя дочку!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58670614

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04074-8

Аннотация

Отправляясь на учебу в аспирантуру, я не задумывалась о том, что моим научным руководителем станет женоненавистник кафедры социологии. Сдав успешно вступительный экзамен, подписала собственноручно себе приговор. Но я не намерена сдаваться и готова пойти до конца! За моими плечами доведенные одиннадцать директоров школ, подорванная кафедра химии и изощренные способы по избавлению от надоедливых женихов. Держитесь, господин Вольфыч!

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	20
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

1

Лилия

– Я хочу от тебя дочку! – выпалила я, краснея под его взглядом.

– Вы в своем уме, Антонова! – услышанное его шокировало.

– Ну вы же сами сказали, что я должна провести эксперимент для диссертации, – надула я обиженно губы, включая дурочку, – Ради науки, Евгений Аркадьевич!

– Антонова, – он нервно показывает на меня пальцем с угрозой, – Если вы не прекратите, я попрошу для вас нового научного руководителя!

– А если мне врач сказал, что проживу месяц, вы согласитесь? – спрашивала я, смотря на него умоляющим взглядом.

– Вот когда принесете справку, поговорим! – бросил мне он, смотря уже как-то по-другому.

– Вот объясните мне, Евгений Аркадьевич, как я смогу собрать статистику мнений, если даже научный руководитель мне не хочет в этом помогать? – сделала серьезный вид я.

– Антонова! Идите, – по его тону я поняла, что меня послали куда подальше, однако, доктор социологических наук собрал волю в кулак и произнес более доброжелательно, – Писать диссертацию!

– Спасибо, – бросила недовольно я и хлопнула дверь.

Все началось со спора. Верка не поверила мне, что наш достопочтенный научрук пошлет меня куда подальше. С лекций его предмета я поняла, что между нами назревает тихая война. Зачем я поступила на этот факультет один черт знает. Мои подростковые годы были наполнены бессонными ночами и не потому, что я зубрила учебники, а потому что отрывалась по страшному, стараясь насладиться своей свободой. Отчисленная из московского университета химического факультета за взрыв лаборатории, проклятая многократно благочестивыми родителями, я отправилась отбывать срок в наш областной вуз на первую попавшуюся специальность. Социология. Ненавидела всю свою жизнь гуманитарные науки и попала именно в ненавистную мне среду. Среди своих одногруппников я не выделялась, не смотря на то, что была старше их на три года. Три потерянных года, сетовала моя мать. Потешить ее самолюбие пришлось, поступив в магистратуру и делая вид самой послушной дочери. Ведь если б я продолжила открыто гулять, пропивая свою молодость в барах, лишилась бы финансовой поддержки состоятельных родителей. Работу найти технарю с гуманитарным образованием оказалось не так просто, поэтому я пошла дальше, назло врагам, так сказать. В аспирантуру. Стоило мне появиться на вступительных экзаменах по специальной дисциплине, как достопочтенный Евгений Аркадьевич, ненавидящий меня за «острый» ум, всячески пытался подловить на списывании и выгнать из аудитории, не засчитав экзамен. К его глубокому

сожалению, в тот день я была готова на все сто. Учила целый месяц, ожидая улыбки радости своего преподавателя от этой встречи. Добившись своего, хмурый оскал «радости» от того, что я поступила, решила еще и на нервах бедного доктора наук поиграть. Негодяйка и бесстыдница, ведь мне, как одному из аспирантов великого областного вуза, нужно как никому другому оберегать и моральное и физическое здоровье единственного доктора социологических наук на всю область.

– Ну как? – вывела меня из размышлений Верка.

– С тебя рубль! – сухо бросила я, оглядываясь на окна личного кабинета Евгения Аркадьевича.

– Ну и ладно, – махнула рукой она, доставая тысячу из сумочки, – Мне девчонки теперь больше должны. Они все почему-то были убеждены, что наш Вольфыч будет очарован твоими чарами!

– Он теперь заставит меня эту диссертацию писать кровью, – констатировала я факт в слух, скорее самой себе, чем подруге. Вольфыч имел такую кличку не зря. Еще с бакалавриата ходил слух о его непреклонности и ненависти к особям женского пола. Особенно это почувствовала я на своей шкуре. Стоило мне где-то согрешить, так эссе или реферат приходилось сдавать с десятого раза, многократно переписывая одно и то же. И ведь утруждался гад, перечитывать всю эту тягомотину.

– Не ссы, – засмеялась Верка, – Мы найдем на него управу.

– Ага, – буркнула недовольно я, – Готовься за меня писать диссертацию, спорщица!

– Зато у нас теперь нет головной боли насчет средств. На тебе я заработала целую десятку! – сияла, как новый самовар моя соседка по общежитию.

– Знаешь, Вер, я пойду, наверно, прогуляюсь до биржи. Пора искать работу, на твоих аферах, чувствую, меня исключат с первого же курса аспирантуры и плакала моя диссертация, кандидатская и так далее, – говорила устало и грустно я.

Не знаю почему, но теперь, перематывая реакцию Вольфыча, я пришла в уныние и стала понимать, что что-то пошло определенно не так, как бы хотелось. Мы с Веркой разошлись по разным сторонам. Пешком гуляя по огромному городу, который мне нравился все меньше с каждым годом, дошла до биржи и взяла несколько номеров с вакансиями по моей новоприобретенной профессии. Оказалось, что в наш же вуз требовался секретарь в деканат. Вот так удача! Если я буду настолько близко к декану, Вольфыч не осмелится мне поставить неуд лишний раз или отчислить из-за моей природной глупости. Позвонила по номеру, сделав очень деловой и серьезный вид. А серьезность и я это два разных понятия. Даже девчонки все зубрили с нашего курса, говорили, что мой разум имеет развитие десятилетнего ребенка. Не обижалась никогда на подобные глупости, ведь итак знаю, что я ребенок. На следующее утро работа стала моей. Как оказалось никто не желает за копейки трудиться

в нашем университете. Сразу же оказавшись под развалинами груды бумажек и недовольных, вечно чего-то желающих, студентов я поняла, что сойду скоро сума и мне не надо будет больше стараться на благо своего доброго имени.

2

Лилия

Утро оказалось не добрым. Я вскочила в семь утра и, надев первое попавшееся платье, помчалась на свою новую любимую работу. В дверях деканата я столкнулась с каким-то мужиком, ковырявшемся в замке. Ядовито бросив ему:

– Отойдите, дверь сломаете ведь своими щупальцами! Этот замок требует нежности!

С силой толкнула его и открыла в секунду проклятый замок. Уже включив свет в деканате, кинув свой рюкзак на место секретаря, увидела, что только что вырыла себе глубокую яму два на два. Вольфыч довольно приглядывался своими карими глазищами ко мне, мне даже на секунду показалось, что он, как демоненок, сейчас потирает довольно ладони, решая для себя за что же отчислить меня.

– Евгений Аркадьевич! – расплылась в неестественной улыбке я, – Какой шикарный у вас терракотовый костюм!

– Антонова! – зло рявкнул он, – Как вы будете объяснять мне щупальца и свое нереальное желание добиваться своего, что готовы снести со своего пути даже дверь!

– Евгений Ар, – стала почему-то заикаться я, ощущая, что если никто сейчас не спасет меня своим появлением, то придется прикинуться полуобморочной блондинкой, задыхаясь от собственных эмоций, – Ар, Ар, Ар, Арка.

– Да, да, я понял, продолжайте, я слушаю, – самодовольно улыбнулся Вольфыч.

– Я опаздывала на работу, понимаете ли, – постаралась построить глазки я впервые в жизни, ничего если это выглядит не так, главное, его отвлечь от негативных мыслей.

– Что с вашим лицом? – нахмурился Вольфыч. Черт!

– Что? – снова прикинулась дурочкой, – Что с ним такое?

– Антонова! – снова на меня навел свой палец в угрозе Вольфыч, гневно продолжая, – За такое поведение, вы предоставите мне социологический опрос на тему религиозных верований!

– Черт, – фыркнула недовольно я, – Евгений Аркадьевич, ну честное слово, что вы зверствуете то! Я ж теперь ваш коллега, ну пожалейте вы меня от этой жути! Это же надо обойти все храмы города, пообщаться со всеми священнослужителями, а я между прочим атеистка!

– Вот и прекрасно, – довольно улыбнулся он, а мне захотелось стереть с его лица эту проклятую улыбку. Ну и где я теперь найду юбку в пол, приличную одежду и платок? – Завтра мне предоставите отчет!

– Что? – вскрикнула я, – Когда?

– Помимо того, что ваше лицо перекашивает как-то странно при виде меня, вы еще и оглохли? – прорычал недовольно Вольфыч.

– Извините, – поникла я, ощущая безысходность, – Я все поняла.

Вся работа была мне не в радость. В три выскочив из деканата, я помчалась в ближайший магазин, на ходу звоня матери и говоря, что дочь совсем обезумела и нуждается в монашеской одежде для посещения церкви. Получив приличную сумму на карту, я купила черную длинную юбку и корсетную блузу такого цвета. Мои черные волосы, с красными кончиками смотрелись вполне сносно на фоне этого. С рюкзаком – черепом я вошла в первую церковь, из которой меня выводили под белые ручки, крутя пальцем у виска, когда на вопрос настоятельницы:

– Деточка, у вас кто-то умер?

Вся в черном, не потрудившись надеть белый платок вместо черного траурного, я выглядела по-своему, по-готически. Ответила премоилой дамочке со свойственной придурковатой улыбкой:

– Ответьте, пожалуйста, на социологический вопрос, сколько людей верят в Бога? А вы верите в него?

Так себе эксперимент. В следующей церкви прямо во время службы священника заиграла загробная музыка с утробными возгласами: «Memento mori!» (Помни о смерти!), поставленная на научрука, я бежала сама со всех ног, страшась оскорбить чувства верующих. Не я выбирала эту тему для опроса. А этот гад Вольфыч еще звонит и интересуется о ходе эксперимента. Черт! В третью церковь я вошла под недовольные возгласы старушек: «Чур меня!». Уже потеряв всякую надежду, встретила, наконец, адекватного священника,

выслушала целую лекцию о непристойном виде и о грязных делишках сатаны, который пытается меня свести с пути истинного, я получила необходимую мне информацию. Истрепав все свои ножки таким интересным походом по городу, я упала замертво в кровати общаги. Верка покачала критически головой, мол, совсем сума сошла со своей работой.

На следующее утро меня разбудил звонок мамы. Она интересовалась, очистилась ли моя душенька походом в церковь. Я ответила утвердительно, понимая, что бессовестно вру. Мать успокоилась и пожелала мне удачи, при этом выделив еще средств на карту, что меня вполне устраивало.

Медленно двигаясь в направлении деканата, шла на верную смерть. Вольфыч наверняка не примет этот чертов отчет за который меня вчера чуть не подвергли экзорцизму и сожжению на костре, как в средние века. Этот гад чувствует слабые места и умеет давить на них профессионально. Наверное, он получил доктора за сотни погубленных душ студентов, которых подвергал своим пыткам. Мы столкнулись около двери, он снова пытался взломать этот чертов заедающий замок. Уже раз уколотившись, я осторожно подошла к нему сзади и проговорила:

– Давайте я открою, вы еще не нашли общего языка с этим замком, да и вряд ли найдете, он очень тонкой душевной организации у нас!

От возмущения его глаза снова поползли на лоб. Ну что опять не так я сказала? Открыла замок под чутким присмот-

ром карих глаз и прошла на свое рабочее место.

– Антонова, вы провели опрос? – спросил строго Вольфыч.

Я устало полезла в свой рюкзак, достала распечатанный отчет на листах А4, оформленных в черную с пауками папку, и протянула научруку. Он взял нерешительно папку и исчез. Наверно, это первое утро, предвещающее хороший день.

Лилия

Не лучшая традиция стала – приходить с работы и умирать в кровати от боли в ступнях. Бегодня, вечная спешка, бумажки, справки студентам, личные дела. Это стало моим страшным сном и страшными буднями. Верка пыталась меня вытащить среди недели в наш любимый бар, но я без сил падала, прячась в подушке и мечтая больше не просыпаться. Но утром снова звенит будильник и календарь радуется новостью, что сегодня долгожданная пятница. Немного поберегу себя для вечернего танцпола. Уже нетерпеливо мечтаю, как потягиваю коктейль и танцую до потери ног и пульса. Этот темп жизни не сказать, что сумасшедший, но выматывающий это точно. Лечу, окрыленная на работушку и снова встречаюсь с недовольным научруком, который за эту неделю привык меня встречать, ковыряясь в замке деканата. В этот раз, увидев мою радость пятому дню в неделе, он не стал спорить и уступил мне достойное право открыть замок. Я итак открывала этот замок на протяжении всей недели, поэтому он просто решил не напрягаться лишней раз. Его кислое выражение на лице уже и не давало мне надежды на привычный обмен колкостями, однако, стоило мне расположиться за рабочим столом, довольно поглядывая на календарь, мимо моего носа пролетела знакомая черная папка с

паучками аккуратно лавируя на стол.

– Антонова, я рад сообщить вам, что прочитал ваш ужасно скучный отчет! – просиял Вольфыч.

– Вы также хотите порадовать меня оценкой отлично? – улыбалась я, не позволяя дурным предчувствиям испортить предвыходное настроение.

– Нет, на удовлетворительно едва тянет. Для чего в отчете были рассказы о том, что у нас предвзятое общество, и внешний вид играет важную роль? Каким образом это относится к религии? – говорил Вольфыч, удобно облокотившись своей пятой точкой на соседний деканский, между прочим, стол.

– Понимаете, вы заставили меня пройти через девять кругов ада, и я не могла никак не отразить свою точку зрения на этот счет! Вы только представьте с двух церквей меня выгнали за внешний вид! Это говорит о терпимости? Во второй раз, кстати, вы виноваты! – говорила вдохновенно я обо всем накопившемся.

– Я? – задохнулся от возмущения бедный доктор, ослабляя галстук, крепко завязанный на его белом воротнике.

– Да, вы позвонили не вовремя, – кивнула я утвердительно, ощущая, что если бедный профессор и доктор по совместительству загремит в больницу из-за меня, то все аспиранты меня казнят у дверей деканата.

– Интересно, – пробубнил Евгений Аркадьевич и стал внимательно изучать свой телефон, что-то периодически там нажимая. Затем сердце мое трепетной птичкой рванула в ок-

но деканата, едва зазвучала загробная музыка и песня-напоминание о смерти. Вольфыч засмеялся и ушел из деканата, стирая слезы. В этот самый момент я поняла, что чертов отчет будет моей прилюдной казнью, а доктора ничего не доведет до больницы, даже я. Осенило меня под конец дня, когда к нам зачем-то наведалься студент с кафедры химии. Я напрягла все свои извилины и вспомнила, что зовут юного гения Пашкой. По привычке, прикинувшись дурочкой, стала говорить комплименты:

– Паш, ты такой умный, мне вот подруга сказала, что никто на кафедре у вас не сможет получить лисий хвост!

– Почему никто? – удивился студент.

– Не знаю, не знаю! Говорит, это сложно, только профессионал решится на такой отважный поступок! – строила глазки я, стараясь снова не перекосить свое лицо, как это случилось с Вольфычем.

– Хочешь я покажу тебе эту реакцию? – спросил, наконец, Пашка.

– Да! – захлопала я в ладоши, как ребенок, дождавшись долгожданного вопроса.

Уже находясь около кабинета Волкова студент Пашка заметно поник, понимая, что это грозит отчислением и ему и мне. Лисий хвост, который мы получали еще в школе элементарная реакция, только есть нюанс, он токсичен. Пашка, отдавший часть своей жизни химии, не мог не знать этого, поэтому сейчас, находясь перед кабинетом заведующего ка-

федрой социологии в руках с бутылем азотной кислоты, стал заметно мрачнеть. Я девушка не из стеснительных, выхватила литровую бутылку с кислотой, открыла кабинет и стала на спиртовке нагревать пробирку с заветной кислотой, предварительно продумывая что делать, если мой любимый на учрук задохнется от этого газа. Придется покинуть страну, желательно уже купить билеты. Пашка в противогазе влетает в кабинет в тот как раз, когда начинает появляться газ бурого цвета.

– Дура! Одень противогаз! – кричит мне подельник и кидает в меня зеленым приспособлением от токсических газов. Так, наверное, сошлись звезды, ведь в этот самый момент из моих рук падает бутылка с кислотой, пробирка со спиртовкой на пол, разливаясь неприятной лужицей, и входит он. Вольфыч недовольно шевелит во все стороны своим грациозным носом и испепеляет меня взглядом. Пашка ретируется к выходу, проклиная меня матерными словами, которые я впервые слышала от студента химика, еще и отличника. Евгений Аркадьевич кидается к окну, как в замедленной съемке, распахивает его и смотрит на обугливающийся линолеум у моих маленьких ножек.

– Евгений Ар, – снова начинаю заикаться я.

– Антонова! – звереет на глазах приличный с виду мужчина, в этот самый момент я почему-то подумала, что фамилия хорошо соответствует ему, – Это что еще такое в моем кабинете!

– Ар, – продолжаю я, тщетно пытаюсь выговорить его отчество.

– Как вы теперь будете убирать это? – его лицо было перекошено от злости, еще бы такой линолеум изгадить.

– Щелочь есть? Можно нейтрализовать кислоту, – улыбнулась снова по-идиотски я.

– Какая на хрен щелочь? – приличный человек, заведующий кафедрой социологии, гуманитарий, доктор наук, а так выражается при студентке, бывшей, наверное.

– Ну реакция нейтрализации, а то ведь сейчас дырка в полу будет, – улыбалась я, ощущая дискомфорт от этой чрезмерно широкой улыбки.

– Черт, – выругался в очередной раз он и выскочил из кабинета. Наверное, за две секунды он преодолел путь с кафедры социологии до кафедры химии, потому что Пашка в своем противогазе пришел нейтрализовать кислоту и убирать за мной обуглившийся линолеум. Жизнь несправедлива, он ведь всего лишь хотел помочь.

– Как понимать это? – спросил уже спокойно Вольфыч, закрыв нас в своей подсобке, пока Пашка кряхтел над линолеумом и проклинал меня в очередной раз.

– Я безумно скучаю по химии, понимаете, это очень тяжело обойтись хоть один день, – не дал мне закончить дурацкое объяснение научрук.

– Без разрушений, – перебил меня он, а я невольно кивнула, – Ну что ж, в таком случае, вам придется отрабаты-

вать испорченное оборудование, купленное за счет бюджетных средств.

– Господи, неужели вы согласились на мое предложение? – опешила я, краснея от собственно сказанных слов.

– Антонова! – гаркнул Вольфыч, что я вздрогнула невольно, слишком часто я стала слышать свою фамилию, – Вы будете искать спонсоров для нашей кафедры и кафедры химии!

– Да ну, ну вы что, – испуганно посмотрела я на радующегося мужчину, – Ну как?

– Не таким способом, как вы подумали! – сверкнул взглядом он.

– А как? Как? Это же жуть! – скулила я от осознания своего ужасного положения, ходить и кланчить деньги, – Вы хоть представляете, как тяжело жить в этой стране, имея собственное мнение и мысли о положении вещей! Меня из церкви выгнали! Что говорить о спонсорах? Они же вообще меня даже на километр к себе не подпустят!

– Попросите нас проспонсировать похоронные агентства с лозунгом: «Доведем профессоров до гроба!», – улыбнулся он.

Лилия

Вечер я провела в размышлениях, где найти спонсора для кафедры. Верка успокоила меня, заказав коктейль, что завтра отправится со мной покорять неприступных служителей похоронных агентств. Оторвавшись по полной за всю неделю мучений, я вернулась под утро в родную общагу. Пропав всего три часа, с запахом пиримидиновых оснований, как говорили в нашем московском вузе, я отправилась покорять сердца похоронщиков. В солнцезащитных очках, ощущая себя вампиром, прожившим веков пятнадцать, мы с Верой вошли в первое бюро, находящееся недалеко от вуза. Мужчина в черном смокинге, осмотрел мой привычный готический стиль и спросил слишком громко:

– Какой гроб вас интересует?

Верка подавилась смехом, но сразу же скуксилась от головной боли.

– Дубовый. Хочу подарить на день рождения своему научному руководителю, – сухо ответила я.

– Отличный выбор! – просиял мужчина, – Какая модель вам нравится?

– Вот этот черненький, – улыбнулась я, – Давайте договоримся, я покупаю этот гроб, а вы спонсируете нашу кафедру. Там очень много бабушек и дедушек, которые готовы в бу-

душем стать вашими клиентами. Только подумайте, вложите сегодня тысяч двадцать, завтра получите гораздо больше.

– Мне нужно подумать, – завис мужчина, прикидывая выгоду. Мой внутренний экономист требовал дожать клиента, который видит явную выгоду.

– Представляете себе, помимо наших профессоров, о вас пойдет слава по всему городу, студенты будут вас благодарить и прославлять по всему городу! Надо всего лишь заменить линолеум в кабинете заведующего кафедры и купить пару пробирок для химиков. Это ничтожно по сравнению с тем, что вы получите славу и деньги от клиентов! – говорила я.

– Девушка, а ваш вуз согласится повесить рекламу нашего бюро на главном входе? – спрашивал мужчина, готовый купиться на мое предложение.

– Конечно! – встала я, желая достичь цели.

– Тогда по рукам, – удовлетворенно кивнул он, потом спросил, – Как будете забирать гроб?

Верка снова засмеялась, даже хрюкнула разок. Вот человек, никакого уважения к моему подарку для научрука.

– Доставка у вас осуществляется? – спросила деловито я.

– Конечно, – улыбнулся мужчина.

– Какой у него адрес? – спросила я у Верки. Та смеялась, не желая успокаиваться. Вот блин. Ладно, сама узнаю. Звоню своему ненавистному приятелю и спрашиваю его адрес, якобы найденный мной спонсор хочет поговорить с ним с

глазу на глаз. Этот гад называет адрес кафедры. Ну что ж. Так тому и быть. Говорю адрес для доставки моего подарка и отправляюсь довольная выполненной задачей в общагу.

В понедельник, забыв совершенно о произошедшем, иду на работу. Вуз украшают траурные ленточки, на входе висит огромная табличка с рекламой похоронного агентства в черных цветах: «Задумайся уже сейчас о том, что будет дальше!». Да, гении маркетинга. Поднимаюсь в свой деканат и, наконец, одна открываю дверь. Стоило распахнуть дверь и включить свет, по коридору понесли гроб четверо мужчин. Вот и подарочек приехал. Декан, женщина сорока лет влетела в деканат и причитая проговорила:

– Как же так! Как такое возможно! Мужчина в расцвете сил, только вот тридцать пять исполнилось, а ушел из жизни! Даже профком не оповестил!

– О чем не оповестил? – удивилась я искренне.

– О смерти! – пискнула деканша и залилась слезами. Я прикрыла рот рукой. Неужели кто-то из наших преподавов умер, вот так дела! Интересно, кто у нас из мужчин такого возраста. Стала вспоминать, Николай Геннадьевич мужчина семидесяти лет, еще нас с деканшей переживет. Мирон Игоревич, преподаватель по философии тоже лет девяноста, и тоже старичок еще хоть куда.

– А кто хоть умер, Галина Семеновна? – спросила испуганно я, понимая, что никто на ум не приходит, кроме научрука.

– Наш Евгений Аркадьевич, – зарыдала в голос она.

– Как? Когда? А как же диссертация? – реально испугалась я за свою жизнь. Теперь меня точно студенты казнят. Вылетела из деканата и помчалась в кабинет Вольфыча, стоит мой гроб посередине, закрытый. Вот так угадала с подарочком. А как же мои старания по поиску спонсоров? Вот, блин, влипла. Теперь меня будут винить, отравила любимого преподавателя, почтенного человека, отличника труда, отдавшего всю жизнь студентам и институту.

– Евгений Аркадьевич, вы простите меня, пожалуйста. Я правда, не хотела вас доводить, как же мы аспиранты без вас теперь? – причитала я не хуже деканши, – Давайте мы не будем никому рассказывать, что это я во всем виновата, меня ведь убьют все преподавы и студенты за вас!

– Антонова! – слышу я крик, понимая, что по всей видимости это мне уже мерещится. Оборачиваюсь и вижу Вольфыча, пышущего здоровьем, с розовыми щечками, как у младенца, словно бежал в институт со всех ног. Грудь от злости вздымается, руки чешутся, чтоб меня убить. И тут меня осеняет мыслью, что он жив и здоров, а гроб пустой, я даже на всякий случай, удостовериться так сказать, открыла его.

– Антонова! Что вы себе позволяете! Как понимать этот маскарад на входе в институт и почему этот чертов гроб в моем кабинете! – орал взбешенный научрук.

– Евгений Ар, – убежала я от него, прячась за дубовым гробом, – Аркадьевич, я все объясню!

– Объясните, объясните, конечно! – ругался он через слово неприличными словами, пытаюсь меня догнать и задушить. Пробегали мы так с час по всему институту, чтоб все преподаватели и студенты убедились, что он жив и здоров. Уставшие, мы сели в столовой за стол, друг напротив друга, я из страха, что он все-таки придушит меня, а он не в силах больше гоняться за студенткой.

– Будете кофе или чай? – спросил, переводя дыхание Вольфыч.

– Кофе три в одном, – ответила я спокойно, не ожидая, что он встанет и пойдет нам за напитками.

– Помянем, так сказать, меня, – засмеялся Вольфыч, стучая свой граненый стакан с кофе о мой.

Евгений

Ни дня не прошло спокойно с начала этого учебного года. Все началось с того момента, когда она появилась на экзамене по специальной дисциплине. Девушка, которая проспала все мои лекции. Сначала я старался не обращать внимания на столь старательного студента, вспоминая, как прошли мои студенческие годы. Потом впервые увидел лицо девушки третьекурсницы на экзамене по своей дисциплине, оказалась вполне себе милой, не смотря на мрачный вид. На протяжении всей учебы в бакалавриате и магистратуре эти черные волосы с окрашенными красными кончиками мелькали в коридоре. Затем, я уже было смирился, что больше не будет никаких идиотских оправданий, не смотря на то, что девушка не была глупой или неспособной, как вижу ее на экзамене в аспирантуру. Все мое внимание было обращено на экзамене именно на нее, остальные студенты спокойно списывали под моим носом, понимая, что я занят нерадивой студенткой. У Лили были отличные способности к техническим наукам, естественно-научным дисциплинам, но в гуманитарии она не отличалась способностями. Я невольно однажды решил заглянуть в ее анкету и обнаружил, что она вылетела из московского вуза за подрыв кафедры. Именно поэтому она была полна неожиданностей и выглядела старше своих од-

ногруппников. Пройдя успешно все экзамены, девушка поступила на кафедру социологи, где я был единственным доктором наук. Именно поэтому меня назначили ее научными руководителем, как и еще двоих студентов. И Лиля Антонова, фамилию которой я теперь никогда не смогу забыть, стала моим ночным кошмаром. Ее неожиданное признание: «Я хочу от тебя дочку!» ввело меня в замешательство. Не сказать, что я, как мужчина, смог бы отвергнуть столь привлекательную девушку, однако мое положение в роли ее научного руководителя обязывало. Поэтому я всячески старался поменять тему, только не думал тогда, что девушка настолько упертая. Проследив в окно за Лилей, я подтвердил свои догадки, что ее фраза была мне адресована на спор. Давно среди студентов я имею не очень хорошую славу женоненавистника. Видимо, поэтому она решила с подругами на меня поспорить. Это неприятно кольнуло по моему самолюбию. Что было дальше не описать никакими словами! Девушка устроилась на работу в деканат, что льстило ей, учитывая, что не проявляла никакого желания работать по своей специальности. Оно и понятно, как технарю с образованием гуманитария суметь устроиться на ненавистную работу. Вот и понеслось, сначала детское и безобидное – мелодия на телефоне, поставленная на мои вызовы, потом пыталась меня отправить лисьим хвостом и прожечь дыру в моем кабинете. Завершилось все гробом, внесенным в мой кабинет. Все коллеги до сих пор поминают меня в столовой, а при ви-

де крестятся! И не знаю, что делать с этой занозой в заднице. Вроде бы и за малейшие проступки отчисляют, но ведь я сам пошутил о том, чтоб искала она спонсоров в похоронных агентствах! Теперь расхлебываю по мере своих возможностей, зато мне сделали ремонт в кабинете и химикам закупили новое оборудование. Ведь способная же аспирантка. Однако, ей это знать необязательно. Что делать с дубовым гробом мне теперь? Ближайших похорон не ожидается, да и как я появлюсь на похороны с гробом? Извините я со своим гробом к вам? И ничего, что уже человека омыли и положили в другой? И смешно и плакать хочется. Иду на работу и думаю, что сегодня будет твориться на кафедре. Главное, что ожидать от этого черноволосого урагана, работающего прямо в сердце университета.

Снова сталкиваемся в дверях деканата. Опустила стыдливо глаза, понимает, что уже неделю пытаюсь вразумить коллег о похоронах, которые были репетицией. Деканша интересуется теперь у меня по несколько раз на дню, не болен ли я смертельно, намекает, что тогда должен уведомить профком и ректора. И не убедить ведь, что здоров, как бык и спортом занимаюсь каждый день и за здоровьем своим слежу. Лиля открыла дверь и молча вошла в деканат, заняла свое рабочее место, не смотря на меня. Вот интересно, что творится в этой маленькой головке?

– Антонова, подготовьте мне, пожалуйста, ведомость по студентам, которые сдавать будут у меня курсовые, я предо-

ставил список декану, – сухо бросил я, присматриваясь к грустному лицу девушки.

– Хорошо, – кивнула девушка и принялась что-то искать в компьютере, который работал очень медленно. Тихо чертыхаясь, наконец, Лиля распечатала бумагу и передала мне в руки. Я утвердительно кивнул, получив то, что просил и вышел из деканата.

Сел в своем кабинете, подготавливаясь к лекциям, которые предстояло провести у первокурсников и третьекурсников сегодня. Едва я был готов выйти из своего кабинета, в дверном проеме появилась черноволосая голова, сулящая мне очередные неприятности. Взмолившись богам, чтоб успеть к первой своей паре, я направился к источнику своей головной боли. Так сказать, напрямик в нападение, дабы избежать жертв. Не получилось. Лиля задумавшая очередное действие и рассчитывая, что меня нет в кабинете. Не ожидала увидеть меня в собственном кабинете и потому застыла в нерешительности или выдумывая очередную нелепицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.